

Метафора Кощея: еда в «Денискиных рассказах»

28

Кощей — дистрофичный злодей, друг бабы Яги, смерть которого — иголка — находится в яйце, которое в зайце, который на дереве... (возможно, я пропустила несколько емкостей или нарушила очередность). Впрочем, в «Денискиных рассказах» под Кошеем подразумевается лишь одна из его фундаментальных характеристик — худоба.

Метафора Кощея, на мой взгляд, чрезвычайно важна для понимания отношения людей 1950–60-х годов к питанию и пище. Пять раз в «Денискиных рассказах» герои говорят друг другу (скорее, конечно, это прерогатива взрослых): «Совсем исхудал! Вылитый Кощей!». Подобные сравнения, ставшие общим местом, отражают некий идеал того, как должен выглядеть ребенок: в то время он должен был быть упитанным и краснощеким.

В СССР повышение веса было критерием удавшегося отдыха: в пионерских лагерях, пансионатах, санаториях, домах отдыха человека взве-

шивали по прибытии и при отъезде. Если он поправился, значит, отдохнул хорошо. У Драгунского во многих рассказах так или иначе обыгрывается ситуация взвешивания. В первую очередь, конечно, вспоминается рассказ «Ровно 25 кило», в котором Дениска с Мишкой на детском празднике пытаются выиграть годовую подписку на журнал «Мурзилка». Для этого им надо весить ровно 25 килограммов, а Дениска весит на 500 граммов меньше. Тогда он выпивает пол-литра сидра и выигрывает подписку, но чувствует, что это не совсем заслуженная победа.

В рассказе «Надо иметь чувство юмора» Дениска обижается на папу и решает вот прямо сейчас уйти из дома на Целину. Он представляет, как папа сообщает ему, что мама от расстройства похудела на тридцать семь кило. «Вот как она скучает!»

В рассказе «Друг детства» Дениска размышляет, кем быть. Он хотел бы стать отважным путешественником, как Ален Бомбар, но замечает, что тот за время своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а в нем, Дениске, их всего двадцать шесть, поэтому лучше не рисковать.

В СССР повышение веса было критерием удавшегося отдыха: в пионерских лагерях, пансионатах, санаториях, домах отдыха человека взвешивали по прибытии и при отъезде. Если он поправился, значит, отдохнул хорошо.

Человек 1950–60-х годов питался совсем иначе (потреблял другие продукты в других сочетаниях). Соответственно, другой была и его конституция.

Если сегодня здоровой считается диетическая, легкая пища, без консервантов и примесей, то тогда, во-первых, не было самого понятия консервантов (все продукты были натуральными, настоящими — они пахли, портились и т.д.), а во-вторых, смешивались весьма тяжелые и странные для современного взгляда компоненты.

Например, Дениска на завтрак ел котлету с макаронами, а Мишка в числе своих любимых блюд называет бутерброд, толсто намазанный картофельным пюре или пшенной кашей.

Советские дети делили еду на повседневную, которую они едят каждый день (полезную и питательную с точки зрения взрослых), и особенную, праздничную (редкую, дефицитную). «Особенной» еды нередко нет в магазинах, о ней только слышали («Можно, например, сделать простые куриные котлетки, а можно закатить министерский шницель — с виноградом! Я про это читал!»).

В советское время сложилось понимание еды как ценности. Родители Дениски застали войну и потому, как люди, пережившие голодные

годы, ценят уже само наличие еды. Так, в рассказе «Арбузный переулочек», когда Дениска отказывается есть молочную лапшу с пенками, папа вспоминает, как во время войны ему случайно подарили арбуз, который стал для него тогда настоящим сокровищем.

В «Денискиных рассказах» трудно разграничить еду домашнюю и еду общепитовскую. В столовых, по сути, едят то же, что и дома, — в основном, котлеты, если судить по Драгунскому. И все же есть одно значимое различие — напитки. Газировка занимает особое место в «Денискиных рассказах» — очевидно, из-за пристрастий самого Дениски. В парках, на улицах стояли специальные автоматы. Ситро, безусловно, любимый напиток Дениса, стоил 3 копейки (за копейку наливали содовую без сиропа). Сейчас подобные автоматы с газировкой (а ля ретро) возрождаются и неизменно вызывают ностальгию у взрослых.

Упомянем и культуру чаепития. Чай в то время был повсеместным и универсальным напитком. Чай пьют везде и всюду: на завтрак, обед и ужин, чтобы занять время, при встрече гостей. В рассказе «Мотогонки по отвесной скале» к Мишке в гости приезжает родственник Федька («приехал он по делу — чай пить»). Дениска же загорелся идеей покататься на Федькином мотоцикле, но он справедливо опасается возмездия. Тогда Мишка его успокаивает: «Федька у нас чай подолгу пьет. По три стакана дует!», и Дениска все же заводит мотор. Когда выясняется, что Дениска не умеет тормозить, он кричит Мишке:

- Сбегай за вашим Федькой!
- Он чай пьет! — кричит Мишка.
- Потом допьет! — ору я.

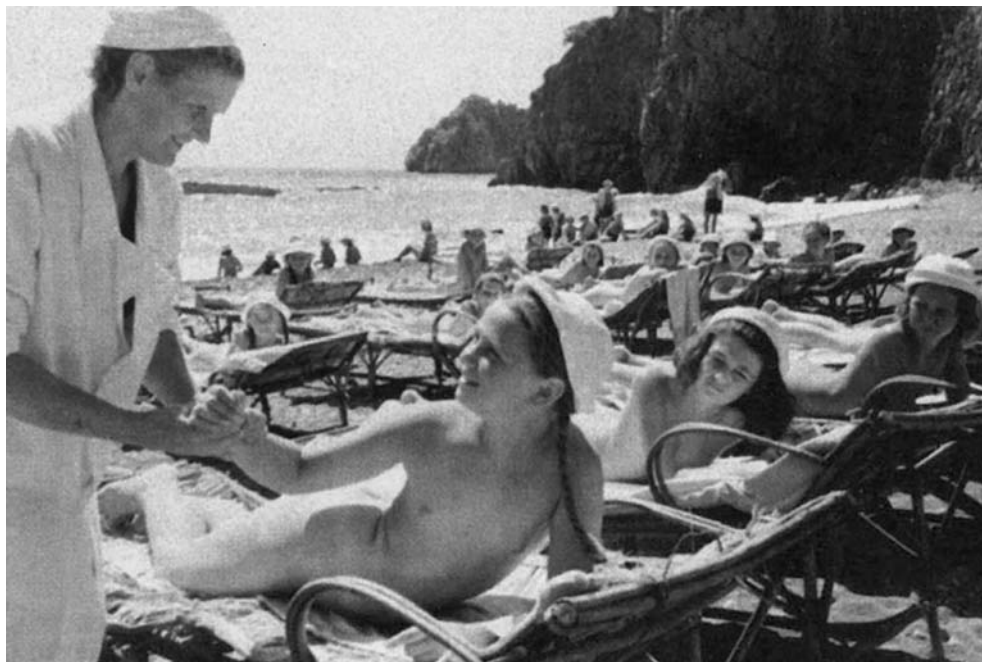
Кофе в «Денискиных рассказах» не упоминается.

Важное место в «Денискиных рассказах» занимают каши. Кашами традиционно кормили и кормят детей по утрам — дома, в детских садах, школах... Дети упорно сопротивляются — заклятым врагом абсолютного большинства является манная каша с комками. (Кстати, у Дениса Драгунского, прототипа Дениски из рассказов, до сих пор регулярно спрашивают в интервью, правда ли, что он выливал каши из окна.)

Гречневая каша с молоком (вареная крупа заливается холодным молоком) считается приятной альтернативой манной — в рассказе «Сражение у чистой речки» Дениска, наблюдая как некий парень сел и стал есть гречневую кашу, понимает, что он тоже проголодался.

В рассказе «Дядя Павел истопник» встречается крупа «Артек». Мария Петровна, женщина с визгливым голосом, утверждает, что крупа «Артек» очень полезна для Дениски, которому «не мешало бы поправиться», и сама берет три пачки для своего пса Мопси, который съедает две тарелки каши за обедом и еще просит добавки.

Крупа «Артек» — это пшеничная мука определенного сорта. А вообще, Артек — это знаменитый на весь Союз детский лагерь в Крыму, в Гурзуфе, попасть в который было чрезвычайной удачей.

29

Из рыбных блюд в «Денискиных рассказах» упоминаются только рыбные консервы (сайра, килька, бычки в томате, судак в маринаде, чистик в собственном соку). Свежая рыба, по-видимому, тогда относилась к дефицитной еде. Характерно, что на рекламных плакатах того времени рыбные консервы представляются в качестве свежего продукта.

Необходимо отметить, что отношение к еде в Советском Союзе 1960-х годов в большой степени определялось еще памятным большинству взрослых людей голодом и лишениями времен войны, наличием дефицита, а также особенностями государственной пищевой индустрии.

Сегодня, когда на смену натуральным продуктам все чаще приходят суррогаты, а дефицит сменяется разнообразием, важной становится сама форма потребления. Люди начинают ходить в рестораны не для того, чтобы вкусно поесть (по крайней мере, эта цель, очевидно, не является первичной), а для того, чтобы обозначить себя в качестве постоянного посетителя того или иного престижного заведения. Ценность еды теперь определяется модой и антуражем. Но при этом мы, кажется, потеряли и то удовольствие от еды, когда можно, захлебываясь, перечислять «что я люблю», как это делает Мишка в одноименном рассказе.